

Солопова Наталья Евгеньевна

ТАЕЖНИК КАК ОСОБЫЙ ТИП ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ЗАВАДОВСКОГО 1920-1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена творчеству незаслуженно забытого ныне писателя Л. Н. Завадовского. В работе доказывается присутствие в прозе 1920-1930 годов писателя оригинального типа героя - таежника, который не имеет прямых аналогов в русской литературе. Детально прослеживаются особенности бытования образа таежника в рамках конкретного пространственно-временного континуума, социально-исторических и идеологических реалий. Исследуются ценностные приоритеты и основные качества героев, чья жизнь неразрывно связана с таежным краем. Отдельно освещается тема золотоискательства, которая часто является основной в определении мировосприятия героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 48-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена творчеству незаслуженно забытого ныне писателя Л. Н. Завадовского. В работе доказывается присутствие в прозе 1920-1930 годов писателя оригинального типа героя – таежника, который не имеет прямых аналогов в русской литературе. Детально прослеживаются особенности бытования образа таежника в рамках конкретного пространственно-временного континуума, социально-исторических и идеологических реалий. Исследуются ценностные приоритеты и основные качества героев, чья жизнь неразрывно связана с таежным краем. Отдельно освещается тема золотоискательства, которая часто является основной в определении мировосприятия героев.

Ключевые слова и фразы: русская литература 1920-1930-х годов; «таежный цикл»; образ таежника; ценностные приоритеты; тема золотоискательства; образ золота.

Солопова Наталья Евгеньевна

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
se-natalia@yandex.ru*

ТАЕЖНИК КАК ОСОБЫЙ ТИП ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ЗАВАДОВСКОГО 1920-1930-Х ГОДОВ

Расцвет прозы Л. Н. Завадовского пришелся на 1920-1930-е годы, когда переживала становление советская литература. В это время в ней активизировались поиски новых героев, обусловленные новым идейным содержанием художественного творчества, изменением литературно-философских принципов и взглядов. На Первом всесоюзном съезде советских писателей (1934) секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым были поставлены соответствующие задачи: «В нашей стране главные герои литературного произведения – это активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы и пионеры. Вот основные типы и основные герои нашей советской литературы» [3]. Но нельзя сказать, что Завадовский полностью вписывал своих героев в предложенную галерею типов советского человека. Как и всякий большой художник, он стремился избежать схематизма и «выпрямления» характеров, но в то же время писатель не мог не ответить на вызовы времени в поиске новых героев. Так, в его творчестве в 1920-е годы появился оригинальный тип таежника, который в полной мере сформировался в «таежном цикле», включающем рассказы: «Вражда», 1926; «На белом озере», 1926; «В тайге», 1926; «Тунгус», 1927; «Перевал», 1928; «Путник», 1928; «Игрок», 1929; «Жена провокатора», 1929. В 1931 году выходит уже отдельный сборник Завадовского под символическим названием «Таежники», куда вошли и ранее опубликованные рассказы, и вновь написанные: «Перевал», 1928; «Лунная тропа», 1929; «Мамка», 1929; «Разведка инженера Панова», 1929; «Темные ликом», 1931; «Помбурмастер», 1931. Наиболее яркое воплощение образы таежников нашли в романе «Золото» (1935). Предметом описания во всех произведениях является судьба человека, которая обусловлена тяжелой жизнью в суровом таежном крае.

Типизация героя-таежника может быть основана на следующих критериях: во-первых, причастность литературного героя к определенному хронотопу, во-вторых, художественная аксиология образа, в-третьих, обособление таежника от других литературных типов и, в-четвертых, собственно авторская позиция и терминология внутри художественного произведения.

Нельзя сказать, что у образа таежника нет истоков. В литературе XIX века в творчестве Ф. М. Достоевского появляется герой-каторжник. Этот образ находит дальнейшее развитие в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, а также в «Острове Сахалин» А. П. Чехова, где автор с документальной точностью описывает жизнь каторжников и поселенцев Дальнего Востока.

Героя-таежника Завадовского нельзя назвать каторжником с точки зрения традиционно-литературного представления, хотя писатель в некоторых рассказах намекает на ссыльное прошлое отдельных персонажей. В творчестве Завадовского каторжник – один из самых беспощадных персонажей. Эти герои отличаются нечеловеческой жестокостью, неудержимой злостью и безбожием. Их разговоры «на блатном языке», желание убивать, уже совершенные ими деяния вызывают духовное оцепенение. Политический ссыльный, оказавшийся в среде каторжников, по своему внутреннему устройству, человеческим качествам не является преступником, более того, он искренне боится преступления: «Целый день шел он, стыд и позор следовали за ним. Хребты казались свинцовыми глыбами, река текла туда, где он едва не сделался преступником» [5, с. 208]. Создается впечатление, что герой рассказа случайно, по ошибке попал в среду каторжников.

В этой связи если рассматривать образ таежника в системе существующих героев русской литературы, то возможно проследить его явное противопоставление образам каторжников, ссыльных, поселенцев и бродяг. В то же время сложно провести четкую границу между таежником и сибиряком или золотоискателем. Возникает закономерный вопрос: а стоит ли говорить о таежнике как о самостоятельном типе героя? Вследствие этого обратимся к рассмотрению сборника рассказов «Таежники» и романа «Золото».

Героями этих произведений являются и золотоискатели, и коренные сибиряки, и представители государственных структур на Алдане, и артельщики, и просто стремящиеся к фарту люди. То есть под определением «таежник» автор объединяет тех людей, которые в 1920-1930-х годах искали счастье в Восточной

Сибири на золотых приисках: «В ноябре 1923 г. население приисков составило 350 человек, а на первое октября 1924 г. 3700 чел., а на 20 июня 1925 г. уже 13387 чел. Имеются все и другие, среди них немало уголовного элемента» [10].

Своеобразие образа таежника заключается в способности героя мыслить особыми категориями. Часто в их внутренних диалогах, речи выражаются простые, но мудрые мысли относительно реалий таежной действительности. В героях-таежниках есть общая сибирская ментальность, воспитанная и выкованная тайгой, постоянным риском для собственной жизни, тяжелым и непосильным трудом. Мысли таежника всегда тяжелы и угрюмы, он пытается разрешить для себя сложные вопросы бытия. Другими словами, «таежник» является собирательным героем, с акцентировкой на иррациональную и трансцендентальную ментальность мировосприятия и сакраментальную сибирскую духовно-философскую наполненность.

Образ таежника неразрывно связан с образом тайги, который в произведениях Завадовского представлен двумя воплощениями. Это и конкретное, реальное географическое место, и живое, в некоторой степени мифологическое, существо, подвластное только иррациональному пониманию. Именно таким мироощущением, которое основано на интуиции и инстинктах, наделены герои-таежники Завадовского.

Так, герой рассказа «На белом озере» старик Варнак чувствовал себя в тайге лучше, чем дома. Варнак убежден, что человек, подобно зверю, нуждается во многом, пока у него есть силы, «зубы и острые когти» [4, с. 9], но как только стареет человек, ему необходим только покой. Достигает ли этого покоя сам Варнак? Сидя возле костра в тайге, он размышляет о прошлом и подводит итог собственной жизни. Он вспоминает тунгуску, к которой испытывал непреодолимое влечение, изменившую ему жену Марию, которую погубил; желавшего его убить друга, которого не стал спасать в тайге от смерти. Возможно, жизнь героя сложилась бы иначе, но Варнак своим примитивным и интуитивным восприятием действительности не мог реагировать по-другому. Он не «душегуб» [Там же, с. 12], многое знает и желает «тепла и участия на старости лет» [Там же], но не верит он людям, боясь насмешки и непонимания: «До последнего дня, который будет у каждого человека и всякого зверя, он не пойдет и не попросит места у чужого огня» [Там же, с. 9]. Для Варнака мудрость и справедливость жизни заключаются в простом инстинктивном желании выжить. Недоверие к людям и страх за собственную жизнь как первичные инстинкты и есть то таежное миропонимание, заложенное сложностью сибирской жизни. Завадовский не уподобляет таежника зверю, но писатель обрекает героев жить по звериным правилам.

Проблема недоверия таежника людям наиболее широко раскрывается в рассказе «Вражда», героями которого являются два молодых человека Кеха и Егорша. Поступки Егорши, когда он стреляет в тайге в спину уходившему Иннокентию, когда в деревне ослепляет Иннокентия выстрелом, когда заставляет Зинчу «скинуть» ребенка, спровоцированы трусостью и подлостью. Он калечит судьбы других людей ради спасения собственной. В этом рассказе наиболее ярко проявился сильный, грубый нрав сибирских таежников. Правосудие к Егорше приходит от рук Иннокентия. Нет закона, нет суда, есть только наказание, которое определяется самой жертвой.

Среди героев-таежников нет ни одного по-настоящему счастливого человека. В произведениях отсутствуют радость и смех, но есть надрывная жизнь и доведенный до наивысшей точки психологического напряжения человек. Предательство, обман, душевные страдания и поиски верных жизненных путей свойственны таежникам. Варнак страдает от собственного понимания жизни, Иннокентий ищет справедливости, а Михалка из рассказа «Игрок» запивает свою сломленную жизнь.

Михалка проиграл свою рязанскую жизнь в карты. Приехав на золотые рудники в тайгу за благосостоянием своей семьи, он в итоге спустя некоторое время оказался один пьяный на улице сибирской деревни. Среди других людей таежник кажется безвольным и надломленным. Только в тайге герой полностью раскрывается, проявляется его выдержанность, уверенность и сила. Он – опытный и удачливый охотник. В нем есть чувство собственного достоинства, выполняя заказную работу, таежник предельно аккуратен, так как не желает быть похожим на варнаков и каторжников.

Иногда Завадовский наделяет своих героев-таежников подлостью, грубостью и безжалостностью. Так, например, в рассказе «Тунгус» автор сочувствует тунгусу, который живет среди русских людей, пытается растить хлеб, да и в целом вести русское хозяйство. Русские же мужики-таежники (Василий, Калиныч, его сын) видят в бедном тунгусе недочеловека. Здесь речь идет не об осознанном уважении одного человека другим, а об инстинктивном восприятии другого человека, в данном случае тунгуса, как существа, подобного животному, зверю. Именно поэтому таежники «бросают» жир отобранного у тунгуса медведя со словами: «Ей, морда, на-ка кусочек» [8, с. 117]. Эти слова словно адресованы не человеку. Все передвижения тунгуса рядом с таежниками напоминают движения зверя, пса: «маленькая фигура медленно ползла на четвереньках»; «сидел на корточках и ждал конца агонии»; «тунгус мигал редкими трахомными ресницами и не смел поднять головы»; «тунгус сидел на корточках возле своих привязанных к дереву собак» [Там же, с. 115-117]. Таким образом, Иван-тунгус даже не распрямляется в присутствии русских, не встает в полный рост, а наоборот, скручивается, сжимается. Но совершенно другим кажется тунгус, когда ведет внутренний диалог о своей тяжелой судьбе, тогда он представляется мудрым и рассудительным, уверенным в собственных решениях и правильности своего жизненного пути.

Чтобы прояснить основной конфликт рассказа, стоит обратиться к истории народа эвенки, то есть коренных жителей Восточной Сибири. Развитие и освоение Сибири привело в 1924-1925 годах к антисоветскому Тунгусскому восстанию. Мотив противостояния тунгусов русским встречается в рассказах Завадовского, где писатель оставляет за героем-тунгусом право на ключевую и стержневую мысль всего рассказа, тем самым наделяет героя особой мудростью его предков.

В рассказе «Тунгус» автор с особой тщательностью и щепетильностью вырисовывает своего героя. Он занимается охотой, что являлось традиционным занятием, и, как правило, герой охотился один: «В эвенской эпической традиции наиболее распространен сюжет об одиноком герое» [1, с. 143]. И тунгус Иван действительно кажется одиночкой, который противостоит не только медведю, но Василию и Калинычу. Не случаен и образ медведя в рассказе. Так, «первичным мужским образом в мировоззрении эвенков был мифологический образ предка-медведя» [2, с. 179]. Медведь не был основной целью охоты, наоборот, тунгусы с почтением относились к этому зверю. И если случалась охота на него, то она сопровождалась определенными правилами-обрядами. И в рассказе Иван говорит медведю, что его русские убили, тем самым ограждает себя от гнева: «Не сердчай, амакой-старик, – шептал он, – не я тебя убил, убили русские нехорошие люди. – Так он всегда обманывал медведя, чтобы не мстил за смерть» [8, с. 116]. Иван называет медведя «амакой», что значит дедушка, то есть предок, прародитель. И это не случайно: «Сюжет о родственном происхождении человека и медведя распространен весьма широко и встречается в мифологических рассказах, преданиях, эпосе эвенков и фольклоре других народов Сибири» [2, с. 180]. В свете вышесказанного складывается картина, что Иван, убив медведя, вырвал из себя корневую опору народов Сибири. По другим источникам, в эвенском языке Верховное божество именуется Амака, что значит «хозяин душ людей, судьбы», «хозяин Верхнего мира», «счастье» [9, с. 52]. Вообще, содержание концепта *счастье* у русских и эвенков отличается. Русским человеком счастье «понимается как везение, когда счастливо складываются обстоятельства <...> в языковой картине мира русских счастье изменчиво, неуловимо» [Там же, с. 51]. В понимании эвенков счастье «дается человеку свыше божествами Маин и Буга за правильное поведение. Чтобы получить счастье, эвенк должен следовать определенным канонам жизни, в основе которых лежит почитание и обожествление природы» [Там же, с. 53].

Подобное мифологическое восприятие природы и тайги у тунгусов описывается в рассказе «Лунная тропа». Старик-тунгус видит в почитании природы будущее благополучие, поэтому для него освоение и развитие Сибири является вторжением, от которого гибнет он, его семья и тунгусский род: «Было много золота в земле <...> А вы пришли и украли его. Вы украли пищу у солнца <...> Вы приносите с собой спирт, табак, хлеб, порох и дробь, но берете у нас солнце» [7, с. 8-9]. Если старик видит в изменениях Сибири только опасность, то его внук возлагает на «Большого человека» [Там же, с. 13] и его труд особые надежды «о новой тайге, в которой не будет спирта, безумных от золота людей, по которой помчатся нарты без оленей» [Там же, с. 14].

Автор произведения снова противопоставляет русского и тунгуса. Сигачев – крепкий мужчина, таежник, который по каким-то совершенно неопределенным и даже мистическим причинам не может перейти реку. Ее шум, кипение, бурление сводят героя с ума, он испытывает страх перед стихией, одушевляя ее. Пассивная борьба с природой приводит таежника в полубессознательное состояние, когда грань между жизнью и смертью слишком тонка. Сигачев находит спасение только тогда, когда отказывается от найденного им золота. Тайга, приняв это золото, словно освобождает героя. Тунгус-старик со своей таежной прародительской мудростью оказывается прав: «Не беспокойся, тайга знает все, что творится в ней» [Там же, с. 7].

В рассказах «Лунная тропа» и «Тунгус» герой-таежник бессилен и незащищен перед природой, стихией, тайгой. Он не до конца понимает всю сложность таежной действительности, ее совершенно уникальное наполнение. Автор в рассказах говорит о том, что люди, ворвавшись в тайгу за золотом, не думали о судьбе коренных жителей Восточной Сибири, не уважали их традиции и устои, а, подобно ворами, доставали из недр тайги драгоценный металл. Писатель отчасти обвиняет таежника в неудержимом и варварском стремлении добыть золото. Все герои, найдя золото, находят и свою смерть в тайге, спасаются только те, кто отказывается от него.

В рассказе «Темные ликом» описываются характеры двух героев: Геннадия Федоровича и Михайлева. Цель их приезда на Алдан – торговля. С поставками продовольствия в Сибирь было очень сложно, цены на товары первой необходимости завышались, часто оплата производилась золотом, поэтому для торговцев было достаточно выгодно, хотя и опасно ехать на Алдан. Геннадий Федорович от постоянных разговоров о баснословных барышах, от слухов о несметных богатствах заражается «золотой лихорадкой». Стремление добыть золото становится неудержимым, приобретая признаки фанатизма.

В этом рассказе наиболее ярко показана капитуляция нравственных убеждений человека перед жадностью к богатству, к золоту. Золото не только не выпускает героев из тайги, но и лишает рассудка Геннадия Федоровича. Миражное приближение золота придает ему силы, он готов много и долго работать, но одновременно с этим его недоверчивость и подозрительность приобретают форму паранойи. Неоднозначность чувств и эмоций, смятение мыслей, искажение мироощущения – то, что порождает золото, лишают Геннадия Федоровича способности здраво мыслить, трезво оценивать сложившуюся ситуацию (местные артельщики легко обманули героев, бросив в тайге). Даже неумолимо приближающаяся смерть не заставляет его отказаться от золота. И вновь герой-таежник платит за драгоценный металл собственной жизнью. Шанс на спасение дается Михайлеву только тогда, когда он начинает понимать, что золото стоит не дороже его жизни.

В произведениях Завадовский не просто заставляет таежников платить за золото жизнью, он в принципе уравнивает в их сознании два полярных понятия «жизнь» и «золото», где обесценивается первое и превозносится второе. В рассказе «Разведка инженера Панова» автор описывает картину такой неравной с точки зрения здравого смысла сделки, когда смерть человека окупает все напрасные усилия, все неоправданные стремления, все несбыточные надежды. В рассказе сталкиваются цели государственного представителя, затеявшего экспедицию, и таежников. С позиции инженера Панова золото нужно для дальнейшего полноценного экономического развития государства. Чтобы наладить производство по добыче золота, сделать его максимально эффективным, нужно провести трудоемкую работу, требующую финансовых и людских вливаний. Исследование

таежных горных пород, разведывательные артели, освоение большей сибирской территории – все это требовало привлечения добровольцев. Инженеру Панову удалось пламенной речью заинтересовать людей.

Но если для Панова все путешествие в неизведанную Сибирь было научной экспедицией, результатом которой должны стать доказательства наличия или отсутствия золота в этом крае, то для артельщиков самым важным было обязательно найти и добыть золото. Именно на это они потратили все сбережения, оставили семьи, рисковали собственными жизнями. Таежники не собирались сдавать золото государству. С позиции артельщиков золото представлено как символ богатства и собственного благополучия. Зараженные докладом Панова, в котором многое для красного словца было преувеличено, они рискуют всем ради туманной мечты о грядущем, но абсолютно мифическом благосостоянии.

Созданная из простых мужиков артель, преодолевшая тяжелый и опасный путь и прибывшая в тайгу за золотом, с невероятным стремлением и жадной к наживе проделывает огромную работу. И как только артельщики понимают бессмысленность своего каторжного труда, то в одно мгновение рухнувшие мечты о близком богатстве перерастают в неуправляемую ярость.

В рассказе «Разведка инженера Панова» автор показывает, как герой-таежник, ослепленный жадной золотом, теряет все человеческое. Отказаться от золота или признать свое поражение перед тайгой и судьбой таежнику представляется неприемлемым. Характерно, что чем больше сил герой вкладывает в поиски золота, тем туманнее становятся его мысли, ему кажется, что цель близка.

Так, золото разрушает здоровое мироощущение таежников, подталкивает их к крайней точке безысходности, они требуют смертельной жертвы. Таежники настолько слабы в своих человеческих утверждениях, что стараются придумать наиболее искусную и изощренную казнь для Панова, но успокаиваются смертью Абдулки, то есть неважно, кто будет принесен в жертву, важен сам ее факт. Завадовский сумел показать власть драгоценного металла над разумом таежника, ставшего в его глазах как символом богатства и благополучия, так и знаком нестерпимых душевных терзаний.

Одним из самых ярких образов в отечественной и мировой литературе является образ золотоискателя. Завадовский включает некоторые черты золотоискателя в свой образ таежника, имея в виду его физическую силу и готовность к тяжелому каждодневному труду в тайге. Писатель отразил реалии жизни людей, приехавших на Алдан за своей счастливой судьбой: «Несмотря на пепеляевские отряды, рыскавшие после революции, и набеги хунзузов, тысячи хищников-вольностарателей бросились по следам экспедиции и расположились в крае с богатейшими недрами» [6, с. 118].

За основу сюжета в романе «Золото» Завадовский берет историю появления, развития алданского прииска: «Охваченные слухами об алданском золоте, люди шли торопливой походкой, молчаливой вереницей <...> Новым жителям не хватало места; в долинах, рядом с серыми бревенчатыми хижинами, выросли палатки из парусины, мешковины и матрачного полосатого тика. Вместе с новыми пришельцами явилась безработица» [Там же, с. 249]. Герои-таежники показаны Завадовским как рядовые артельщики, которые вдохновились идеей быстрого богатства. Веря в собственную удачу, они пришли в Сибирь добывать золото. И если кто-то действительно «фунтил» (то есть отмывал по фунту золота ежедневно), то кто-то, наоборот, оказывался в нищенском положении, так и оставался «запертым» в тайге. С этой позиции, на первую очередь, можно рассматривать главных героев романа «Золото» Мигайлова и Мишку Косолапного – крепких, сильных, здоровых мужчин, чьи жизни проходят на приисках Алдана. Их можно назвать таежниками, поскольку они знают власть тайги над человеком и не мыслят свою жизнь вне ее.

О таежниках Завадовский пишет так: «Таежные люди, здоровые, сильные, отобранные, просеянные, как зерно для сева, в каменистый суровый грунт» [7, с. 25]. И, действительно, именно такие герои встречаются в его прозе, они противостоят сибирской тайге, готовы к тяжелейшему труду, к крайне суровым жизненным условиям. Поэтому их отчаяние кажется катастрофичным, их слабости воспринимаются более трагично. В этом отношении примечателен образ Жоржа Соломатина, героя, сломленного собственными желаниями богатства: «Он не мог осмыслить своего падения, не желал и не умел присмотреться к жизни. Просто считал, что счастье временно отвернулось от него» [6, с. 382]. Герой преодолел могущество тайги, победил смерть, но восстановить в себе духовное начало так и не сумел. Это тот герой, для которого самый печальный исход был бы спасением. В этом образе Завадовский показывает таежника как «раба золота» [Там же, с. 173], как слугу собственной алчности. Автор обнажает все гнетущее отчаяние когда-то здорового и крепкого мужчины, который не находит себе места в новых советских условиях Восточной Сибири.

Многие критики при анализе романа «Золото», отдавая дань советскому времени и советской идеологической направленности в литературе и культуре, на первый план выдвигали героев-коммунистов: Петю, Полю, Шепетова, говоря об их героизме и бесценном вкладе в создании новой жизни на Алдане. Но с этим стоит поспорить, так как Поля кажется наивной молодой девушкой, Петя – влюбленным юнцом, который даже со своими эмоциями не может справиться, а Шепетов – просто несчастный человек, скучающий по семье в далекой Сибири. И только таежники, такие как Мигайлов, Мишка Косолапый, Лидия в действительности делают жизнь золотоискателей лучше. Завадовский прямо не пишет о созидании советской жизни, но констатирует позитивные перемены в повышении качества жизни на золотых приисках Алдана.

В предисловии к изданию романа «Золото» И. Смирнов пишет: «Роман “Золото” является завершающим этапом работы Завадовского над сибирской тематикой» [Там же, с. 381]. В целом с этим можно согласиться, но вызывает сомнение определение «сибирская тематика». Дело в том, что писатель почти не оперирует понятием «Сибирь», в его произведениях встречаются только слова «тайга», «таежный», «таежник», «таежная жизнь», «таежный люд». Это обстоятельство является одним из оснований для выделения в творчестве Завадовского «таежного цикла» и уникального типа героя – «таежника».

О героях Завадовского в этой же работе И. Смирнов пишет: «Написанные до этого рассказы о золотоискателях, о мужественных и сильных людях сибирской тайги, бесстрашно борющихся с суровой природой, были как бы эскизами, пробными набросками к созданию большого развернутого полотна о людях суровой романтической Сибири» [Там же]. Но здесь следует отметить, что герои в рассказах, предшествующих роману и относящихся к «таежному циклу», на самом деле очень индивидуальны, все образы закончены, и ни один из них не является прототипом какого-либо героя из романа «Золото». И только в целостном восприятии рассказов и романа наиболее экспрессивно и живописно вырисовывается реальная картина жизни и мироустройства таежников в Восточной Сибири в 1920-1930-е годы.

В создании образа таежника Завадовский придерживается принципа максимального реализма, используя в качестве фона конкретные исторические события, что подтверждается многочисленными мемуарами, очерками, дневниковыми записями, официальными документами. В связи с этим есть основания полагать, что герои-таежники Завадовского являются носителями наиболее характерных черт обитателей тайги и золотых приисков описываемого периода.

Самобытность образа таежника во многом определяется моделью поведения, основанной на понимании собственного «Я» по отношению к «Другому», где первое противопоставляется второму. У героев Завадовского суть отношений «Я-Другой» заключается в противостоянии, борьбе и недоверии. Таежник всегда находится в оппозиции либо к другому человеку, либо к обществу в целом, а иногда и к жизни. «Другой» видится таежнику как «чужой», как представляющий угрозу, опасность. Антагонистическое восприятие героями действительности в произведениях Завадовского приводит к тотальному одиночеству таежника. Даже на первый взгляд близкие люди являются его оппонентами в определенных жизненных ситуациях, а потеря дорогого человека еще более обостряет чувство одиночества. Почти в каждом рассказе «таежного цикла» герой находится в состоянии отрешенности от общества и даже в конфронтации с ним.

Подтверждая тезис об одиночестве таежника и его представлении о другом как о сопернике, враге, стоить упомянуть эпизод из рассказа «На белом озере»: «На проталине, величиной в один шаг, взад и вперед плавал лебедь <...> Ковыляя и волоча оба крыла, из кочек притащилась утка. Завидев воду, радостно спрыгнула в проталину и торопливо выкупалась. Но лебедь ударом клюва выбросил ее на лед. Темным комочком сидела утка, не решаясь спуститься на воду, чтобы согреться <...> Он (Варнак – Н. С.) ждал, что вот-вот, забыв вражду, птицы прижмутся друг к другу и поделятся теплом. Но они одиноко сидели, повернувшись друг к другу спиной, вобрав головы в плечи» [4, с. 15]. Эта метафорическая сцена наиболее ярко отражает характер отношения таежника и к людям, и к жизни в целом.

Таким образом, если под типом литературного героя понимать синтез основных и наиболее ярко выраженных черт данного конкретного литературного героя, то под типом «таежника» в творчестве Завадовского скрывается собирательный образ старателей, золотоискателей, сибиряков, тех, кто приехал в Восточную Сибирь за удачей и фартом, мироощущение которых строится на простой житейской философии, регламентирующейся вопросами совести.

Список литературы

1. Варламов А. Н. Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам эпоса эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 142-149.
2. Варламов А. Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 178-184.
3. Вольнец А. Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013. 624 с.
4. Завадовский Л. Н. Вражда: рассказы. М. – Л.: ЗИФ, 1929. 219 с.
5. Завадовский Л. Н. Железный круг: повести и рассказы. М.: Недра, 1928. 218 с.
6. Завадовский Л. Н. Золото: роман. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. 400 с.
7. Завадовский Л. Н. Лунная тропа: рассказы. Воронеж: Ворон. обл. кн-во (тип. изд-ва «Коммуна»), 1935. 139 с.
8. Завадовский Л. Н. Песнь седого волка: рассказы. М.: Недра, 1927. 176 с.
9. Мальчакитова Н. Ю. Концепт *счастье* в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 50-53.
10. Назаров В. Золотой Алдан. 20-е годы... [Электронный ресурс] // Илин. 2002. № 2 (29). URL: <http://ilin.sakhaopenworld.org/2002-2/nazarov.htm> (дата обращения: 03.03.2016).

TAIGA DWELLER AS A SPECIAL TYPE OF HERO IN L. N. ZAVADOVSKY'S CREATIVE WORK OF THE 1920-1930S

Solopova Natal'ya Evgen'evna

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

se-natalia@yandex.ru

The article is devoted to the creative work of the undeservedly forgotten writer L. N. Zavadosky. The paper argues for the original type of hero in the writer's prose of the 1920-1930s – taiga dweller who has no direct analogues in the Russian literature. The researcher analyzes in detail the specifics of the taiga dweller's image within the concrete spatio-temporal continuum, socio-historical and ideological realia. The author examines value priorities and basic qualities of the heroes whose life is inseparable from the taiga land. The special attention is paid to the gold digging theme which often is the basic one in the heroes' world perception.

Key words and phrases: Russian literature of the 1920-1930s; “taiga cycle”; taiga dweller's image; value priorities; gold digging theme; image of gold.